

Моя биография

Посвящается Елене Мальковой

ВАРЛЕН СТРОНГИН

Михаил Булгаков
Три женщины Мастера

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
С86

Стронгин, В.А.
С86 Михаил Булгаков. Три женщины Мастера / Варлен Стронгин. Москва. : Издательство АСТ, 2016. — 512 с.
(Моя биография)

ISBN 978-5-17-098424-4

Каким был человек, создавший самый загадочный и чувственный роман в русской литературе? У Булгакова было три жены, два развода и одна страсть. Преданная Лаппа, экстравагантная Белозерская и отчаянная Шиловская — кто же из них была той, единственной?

Его биография могла бы походить на биографию обычного земского врача тех лет: правильная семья, служба, белогвардейство, скитания и мучения русского интеллигента... Если бы не два обстоятельства. Его невероятная оглушающая литературная гениальность и... морфий.

Автор книги — известный писатель и исследователь Варлен Стронгин, изучив практически каждый день из жизни Михаила Афанасьевича, сумел настолько захватывающе изложить историю жизни и любви Булгакова на бумаге, что, поверьте, эта рукопись не сторит...

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-098424-4

© Стронгин В.А., 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ВСЕМУ СУЩЕМУ НА ЗЕМЛЕ ЕСТЬ НАЧАЛО

Вместо предисловия

Я многие годы сетовал на судьбу автора эстрады и актера, разъезжающего по городам и весям нашей страны с сольными концертами.

На фоне великих стоило ли мне печалиться тому, что я не могу существовать на литературный труд, тем более я любил выходить на сцену, медленно, скромно подходя к микрофону и начиная ироничное повествование о нашей жизни, разнообразя его рассказами, фрагментами из повестей, фельетонами, монологами, показывая образы людей разных национальностей и профессий, даже напевая сатирические песенки и куплеты.

Меня ждали встречи и разговоры с интереснейшими людьми, рождавшие поток нового сознания и сопереживания трудной борьбе человека за существование на земле, иногда даже не подозревающего об этом, считающего, что он живет, как и все, а значит, нормально. К тому же ни одна реформа, даже беда не могла выбить из моей копилки массу увиденного во время поездок, понятого и переосмысленного, не могла помешать созданию новых рассказов, повестей, романов... Я не кляню время своих частых гастролей, череду маленьких несовершенно

рассказов, наоборот, оно сейчас, в уже немолодые годы, видится мне романтическим, когда каждый следующий день готовил сюрпризы, когда я верил, что вся жизнь еще впереди и силы, бушевавшие в моем организме, никогда не станут сходиться на нет. И я удивлен, что происшедшее со мною во Владикавказе двадцать лет тому назад, все встречи и беседы почти до мельчайших подробностей сохранились в моей памяти, подточенной склерозом и тысячами проглоченных таблеток снотворного, без которых моя душа не могла найти успокоение даже ночью. Объяснение этому простое. Я приехал на древнюю землю Осетии, в долину, окаймленную извилистой цепью гор с поразительной красоты ущельями, в не похожий на города-новостройки Орджоникидзе, и судьба подарила мне незабываемую встречу с женщиной — председателем местного отделения Всероссийского театрального общества Марией Антоновной Литвиненко. Сначала я принял ее за обыкновенную зрительницу, зашедшую ко мне за кулисы после концерта, чтобы сказать слова благодарности. Я выступал в приспособленной под филармонический зал бывшей немецкой кирхе, где великолепная акустика позволяла работать без микрофона. Вечера сатиры в те годы были редким явлением, потому что всего лишь несколькими исполнителям в этом жанре, в том числе и мне, Министерством культуры было дано право на сольный концерт в двух отделениях.

Красивая статная женщина средних лет, с умными глазами, одетая скромно, но элегантно, без излишнего женского кокетства и стремления выделиться именно одеждой или косметическими ухищрениями, прямо смотрела мне в глаза, что свойственно честным, искренним людям.

— Спасибо за концерт, — мило улыбнувшись, сказала она и протянула мне небольшую голубоватую книжку, прочитав название которой я ощутил сердцебиение, какое, наверное, испытывает человек, узнавший что-то новое и поразившее его воображение.

Вместо предисловия

Впервые напечатанный в журнале «Москва» роман Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита», изданный с купюрами, иногда рвущими нить событий, даже в таком виде был неожидан для советского читателя, изумил его буйной фантазией автора, магией истинного и волшебного искусства. Впереди еще было издание «Белой гвардии», «Собачьего сердца», «Театрального романа», а Булгаков сразу получил, как говорят ныне, высший писательский рейтинг.

Я дважды перечитал название полученной книги: Девлет Гиреев, «Михаил Булгаков на берегах Терека» — и радость встречи с первой книгой о любимом и боготворимом писателе, радость оттого, что я нахожусь сейчас там, где жил Булгаков, в сотнях метров от вечно бурлящего Терека, берущего начало в родниковых горных источниках, реки, которую он ежедневно не раз пересекал по тому же мостику, по которому хожу я, мимо поблекшего кирпичного здания бывшей табачной фабрики, принадлежавшей отцу великого режиссера Рубена Багратионовича Вахтангова и выпускавшей фирменные сигареты «Флора». Говорят, что отец резко противился увлечению сына сценой, но частенько к концу его любительских спектаклей незаметно появлялся в последних рядах зала, слушал, как неистово аплодируют зрители артистам и режиссеру, отворачивался от сцены, смотрел в окно или потолок и о чем-то размышлял. Возможно, грустил о том, что Рубен не сможет продолжить его табачное дело, что у него другое призвание; но прокормит ли оно его в жизни, тем более в Москве, куда тот собирался переехать? Он уже не раз грозился сыну лишить его наследства, пугал нищетой, но натиск постепенно ослабевал — слишком громко и отчаянно аплодировали зрители сыну; может, людям нужно его дело не меньше, чем сигареты? Об этом думал табачный фабрикант Вахтангов, но видел ничтожно малое число поклонников сына в зале по сравнению с числом курящих, и сердце его трепетало от гнева за глупое увлечение сына,

Варлен Стронгин

которое с каждым годом нарастало, и в то же время он гордился Рубеном, пожалуй, одним из самых популярных и уважаемых юношей в городе.

— Это мне?! — удивленно спросил я у женщины, протянувшей книгу.

— Конечно, вам, — как само собой разумеющееся, произнесла она.

Я осторожно взял книгу в руки, не в силах оторвать взгляд от обложки с портретом Булгакова, лицо которого казалось живым, глядящим в вечность и одновременно скульптурным, как лик памятника, у подножия которого по красной земле, обгащенной кровью революции и Гражданской войны, скакал черный всадник с флагом в руке, несший смерть буржуям и свободу бедноте. Это одно из моих толкований рисунка. Но по всей видимости, художник книги Третьякова думала иначе, и красная земля и всадник были фоном славной революции, делающим первую книгу о «буржуазном» писателе Булгакове более приемлемой. Но ни алая земля, ни национальный колорит обложки в виде трех пятен — черного, на котором был изображен Булгаков, затем более крупного голубого и третьего над ними — пятна небесного цвета, все три пятна с изгибами, символизирующими горы Осетии, — не спасли создателей книги от наказания: директор издательства «ИР» Орджоникидзе был снят с работы, выговоры получили редактор Бойцова, художник Третьякова. Книга была выпущена тиражом 5000 экземпляров и раскуплена во Владикавказе и Грозном. В Москве, в Ленинской библиотеке, хранился обязательный экземпляр, и когда позже я рассказал об этой книге коллегам-писателям, за нею выстроилась очередь.

Я перевернул первую страницу книги и прочитал дарственную надпись: «Москвичу Варлену Львовичу Стронгину от застрявшей с 1944 года в Осетии москвички на память, с уважением и благодарностью. Мария Литвиненко, февраль 1981 года, Орджоникидзе,

ВТО». Мария Антоновна сказала, что завтра меня хотел бы послушать автор книги, профессор местного университета Девлет Азаматович Гиреев, она приведет его, и мы еще увидимся.

Я не уснул, находясь в радостной эйфории, пока не проглотил книгу, и, размышляя о ней, провалялся в кровати до полудня. Много о Булгакове я впервые вычитал из этой книги, а если говорить честно, то за редким исключением я мало что ведал о его биографии, даже о его первой жене. Вот как описывает Девлет Гиреев ее приезд во Владикавказ:

«Уже стемнело, когда раздался звонок в парадной двери. На пороге стояла Татьяна Николаевна (Таисия, Тася, как называл ее муж). Будто с неба свалилась. Измученная, худая, грязная, с мешочком, перевязанным веревкой, с маленьким узелком, в котором оказался кусок черствого хлеба, сухари, две луковицы и несколько огурцов. У Булгакова язык онемел. Долго не мог шевельнуться и слова сказать. Потом вскочил и, обнимая жену, засыпал вопросами.

Проговорили всю ночь. На рассвете она шептала:

— Как измучилась без тебя. Думала, погиб. Только получила весточку, сразу собралась. Мне повезло: в Харькове взяли в эшелон голодающих с Поволжья. Быстро доехали. О тебе Костя в письме сообщил. Он в Москве. В Киев возвращаться боится. Ивана-то забрали белые. Еще в декабре. Говорят, в Чехословакию подались, а мать все плачет... А где же Николай?»

Говорила ли именно эти слова Татьяна? И приезжала ли она во Владикавказ вместе с Михаилом? Или сама добиралась туда? Об этом расскажу позже.

И разумеется, разговор мужа и жены был фантазированным автором, но мог состояться в действительности.

Увы, встретиться с Гиреевым мне не пришлось. Он задержался в университете, а через день я уезжал из города.

Варлен Стронгин

— Жаль, конечно, что встреча не состоялась, — сказал я Марии Антоновне.

— Вы еще увидите с Девлетом Азаматовичем, — заметила Мария Антоновна, — ваши концерты понравились владикавказцам... Надеюсь, что вы у нас не в последний раз.

— Приеду обязательно, — пообещал я, — и потому, что не видел другого подобного города, он сохранил своеобразие, в нем витает дух доброй уникальной старины, и люди здесь интересные, гостеприимные.

Я знал, что в самые жесткие времена запретов на правдивые слова сюда приезжал Владимир Высоцкий и пел на стадионе. Этот город был всегда открыт для него. Позже директор местной филармонии предложил мне штатную концертную работу, но она надолго оторвала бы меня от литературы, и я вежливо отказался. Я подбирался к мысли написать книгу о Михаиле Булгакове, но интуитивно чувствовал, что время для этого еще не наступило. Выходили фундаментальные биографические работы о жизни и творчестве великого писателя, а я ждал своего часа, искал свою тему, пока она отчетливо не вырисовалась в моем сознании. Я еще трижды приезжал во Владикавказ. С десяти утра до пяти вечера просиживал в местном архиве, потом давал два концерта в зале филармонии. А по субботам и воскресеньям встречался с людьми, способными рассказать мне о тех временах, когда в городе находился Булгаков. Это были счастливые дни поисков и открытий. Я помню, какое радостное волнение охватило меня, когда под одним из документов Подотдела искусств местного ревкома увидел собственноручную подпись Булгакова. На минуту я оторвался от работы, глядя на подпись как на божественное чудо, пришедшее из давнего времени в наше. Получилась своеобразная минута молчания — и грустная, и торжественная, и счастливая, подтверждающая переиначенные мною слова гения о том, что даже подписи великих не стирает время. Подпись была сделана красными чернилами. И это не случайность — еще

очень долго такого цвета чернила не исчезали из обихода владикавказцев. Видимо, местная фабрика, производящая чернила, не выпускала ни синих, ни черных. И в архитектурном плане прошедшие десятилетия мало изменили город с булгаковских времен. Сохранился дом на Слепцовской улице, где жили Михаил с Тасей, и другой, куда их переселили в порядке уплотнения. Изумителен по своему образу зданий небольшой, но редкий по красоте Александровский проспект, переименованный в Ленинский, но называемый людьми по-прежнему — Александровским. Здесь и в местном парке, именуемом Треком, гуляли молодые Тася и Михаил. Цел-целехонек, хотя и внешне постарел, поубавил лоску Русский драматический театр, где ставились первые пьесы Булгакова и в кордебалете танцевала Тася. В кинотеатрах, где перед началом сеансов выступал с лекциями Михаил Афанасьевич, сохранились парадные лестницы, в конце которых установлены громадные, едва ли не во всю стену зеркала, глядя в которые дамы и кавалеры могли поправить свои наряды. Когда-то кино было в новинку, и посещали кинозалы с не меньшим энтузиазмом, чем театры. А театров было несколько, по меньшей мере четыре-пять, не считая гастрольных, а сейчас, как положено областному республиканскому городу, три: Русский драматический, Осетинский оперы и балета и кукольный. Я заглянул в узкие гримерки Русского театра, где в тот вечер шла «Зойкина квартира» Булгакова, зашел в одну ложу, потом — в другую... В какой из них сживал молодой Булгаков, следя за действием своих пьес и ожидая появления на сцене в ролях статистики или в составе кордебалета своей жены? Закончился спектакль, а я неохотно покидал этот театр, оглядывая его желто-серые стены, поблекшие кресла, в любом из которых мог сидеть мой любимый писатель. Я представлял, как Михаил ждал Тасю у служебного входа и они вместе добирались по темным улицам до своего дома. Он держал ее под руку или она его? Меня интересовал любой момент их отношений,

за разгадку которых я в конце концов взялся. К этому было немало оснований. Третья и, как утверждают булгаковеды, любимая жена писателя, Елена Сергеевна, пробиwała издание его произведений, не скрывала своих намерений, была на виду. Вторая — Любовь Евгеньевна Белозерская — принимала у себя дома всех почитателей таланта бывшего мужа, рассказывала о нем, и только первая, Татьяна Николаевна Лаппа, долгие годы ни словом не обмолвилась о том, что была женой Булгакова, пока ее не разыскали булгаковеды и не взяли у нее интервью. А ей было о чем им поведать — о едва ли не самых важных и тревожных событиях в его жизни, о том, что она сделала для него... Но она ничего не выделяла в своем рассказе, вспоминала то, что удержалось в памяти.

Впрочем, не будем забегать вперед в рассказе о сложном клубке их отношений, который я попытался распутать в меру своих сил и прибегая к довольно скудному, как оказалось, биографическому материалу, оставленному историей. Мой путь к разгадке судеб Михаила и Таси, точнее к версии их развода, был длинен по времени, и к своему решению я пришел почти через двадцать лет после встречи с Марией Антоновной Литвиненко. Не сомневаюсь, что мне мог бы помочь своим советом, поделиться со мной знаниями о жизни Булгакова Девлет Азаматович Гиреев, но наша встреча не состоялась, хотя я приезжал во Владикавказ еще трижды.

О Гирееве мне рассказывали Мария Антоновна и его коллега по кафедре в университете Мина Алибековна Тахогоди. До войны Девлет Азаматович учился в пединституте на кафедре литературы у Леонида Петровича Семенова — известного лермонтоведа, этнографа, археолога, фольклориста. Выпускник сорок первого года, Гиреев вошел, затем работал экскурсоводом, вечерами писал диссертацию, которую успешно защитил, став кандидатом филологических наук, а затем доцентом пединститута, получившего значительно позже статус университета.

Вместо предисловия

По рассказам моих собеседниц, Девлет Азаматович был любимцем студентов. Одаренный неповторимой кавказской красотой и мудростью, вежливый, демократичный и мягкий по натуре, внимательный к своим ученикам, он не мог не нравиться им. Его называли осетинским Андрониковым, так как он с успехом выступал по телевидению, находя разнообразные и увлекательные литературные темы.

Однажды в летние каникулы он отправился вместе со студентами на уборку урожая в далекий от города совхоз. Работали на жаре. Студенты попросили его отвезти их на несколько часов в город — помыться и сменить одежду. Он повез их на своей легковушке, в которую набилось восемь человек. На одном из крутых поворотов горной дороги машину бросило в кювет... Ушел из жизни прекрасный человек. Осталась его книга «Михаил Булгаков на берегу Терекка», в ней описана не только жизнь Михаила и Таси и их окружения во Владикавказе, а целая эпоха, и будет не в обиду сказано другим булгаковедам — авторам солидных научных монографий о жизни и творчестве великого писателя, что книга Гиреева не столь полновесна, как их творения, не столь солидна, но живее, динамичнее, читается легко, так как написана на одном дыхании. В ней могут быть биографические неточности, в которых, видимо, справедливо упрекали Гиреева коллеги, но он был первым, кто решился рассказать о писателе, рукописи которого хотя и не стorerели, но тщательно скрывались от народа. И он, взявшись за эту книгу, знал, на что идет, рисковал карьерой, но, обладая бесценными материалами, не мог не обнародовать их. Вместо эпитафии он написал: «Светлой памяти Константина Михайловича Симонова — первого читателя рукописи этой книги и доброго советчика — посвящаю».

Я могу лишь утверждать, констатировать, что без книги Девлета Азаматовича Гиреева никогда бы не появилось мое повествование о Михаиле и Татьяне Булгаковых.

Мария Антоновна Литвиненко после войны работала начальником Управления культуры города Орджоникид-

зе, которому впоследствии вернули его первоначальное имя, а в 1944 году задержал здесь ее, москвичку, находящуюся в эвакуации, полюбил красивый и незаурядный человек — Хазби Саввич Черджиев, и они поженились. Он начинал работу экскурсоводом в пятигорском домишке Лермонтова, затем преподавал русскую литературу, создал из осетин группу первых критиков. Я познакомился с ним случайно, подсев за столик в ресторане «Владикавказ» к Марии Антоновне. Высокий седоватый человек с умными глазами внимательно посмотрел на меня, пытаюсь понять, что я за личность, чем интересуюсь и почему приезжаю во Владикавказ. Хазби Саввич знал, что я интересуюсь Булгаковым, но, видимо, ничем не мог помочь мне в этом вопросе и рассказывал интересные случаи, известные ему.

— Помню, как в наш город приезжала жена Орджоникидзе — Зинаида Ивановна, с которой он обручился в ссылке, приезжала на открытие памятника своему мужу, чьим именем, как вам известно, назывался город. Полная достоинства женщина, дочь священника. В горкоме партии возник переполох. Там знали, что Серго в опале у Сталина. Не знали, кого послать на встречу с гостьей. Судили, рядили и выбрали меня как самого молодого работника. Но что я мог сделать? Как встретить? Купил цветы и подарил их жене Орджоникидзе на вокзале. Отвез в гостиницу на трамвае. Я извинился перед нею за неподготовленность встречи. Она насупилась, сжала губы и сразу после формального открытия памятника, почувствовав к себе и покойному мужу явное неуважение и даже недоброжелательство, потребовала немедленно отправить ее в Москву. Мне было стыдно...

— Хазби Саввич вас заговорил совсем, — заметила мне Мария Антоновна, — но пока он развлекал вас своими историями, я вспомнила, что еще до сих пор жива машинистка, печатавшая первые пьесы Булгакова. Она работала вместе с ним в Подотделе искусств. Потом переехала в

Грозный. Тамара Тонтовна Мальсагова. У кого бы достать ее телефон? Кажется, он есть у Мины Алибековны Тахогоди.

Я не верил своим ушам. Я был счастлив, что жив человек, не только знавший Михаила Афанасьевича, но и печатавший его пьесы, считающиеся пропавшими. Мальсагова должна помнить его жену. Ведь та с Михаилом мало разлучалась. Вместе с ним работала в театре... И город был сравнительно маленький. Многие жители, особенно из числа интеллигенции, знали друг друга. Я звоню Мине Алибековне.

— А вы лично что-нибудь помните из тех времен, времен вашего детства? — с надеждой на удачу интересуюсь я.

— Помню, — вздыхает Мина Алибековна, — помню, как нас выселяли красноармейцы. Из нашего дома. Выбрасывали вещи на улицу. Хохотали. Особенно когда увидели комнатку, приспособленную под небольшой неглубокий бассейн, нашу детскую утеху в жаркие дни. Стали киркой и лопатами рушить кафед. Это мне запомнилось, а в театр я не ходила. Была еще очень маленькой. Позвоните Тамаре Тонтовне и передайте привет от меня. Надеюсь, не забыла. Фамилию Тахогоди хорошо знали во Владикавказе. Брат мой был блестящим офицером. Остался на родине. Любил город, людей. Первые годы после революции его не трогали. Он только ходил отмечаться в ЧК, каждый месяц. Один его друг не выдержал и сказал чекистам все, что о них думает, и вообще о новой власти. Чекисты со вниманием выслушали его, поблагодарили за откровенность, проводили в подъезд и застрелили выстрелом в затылок. После этого случая отношение чекистов к бывшим белым офицерам явно ухудшилось. Опасаясь ареста, брат уехал, и о судьбе его я ничего не знаю. — Голос ее задрожал, и я, поблагодарив Мину Алибековну, попрощался с нею.

Я шел к гостинице и не верил, что мне привалило счастье: жив человек, едва ли не ежедневно встречав-